

ДРЕВНЯЯ АМЕРИКА

ПОЛЕТ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

• МЕЗОАМЕРИКА

Г.Г. Ершова

Галина Гавриловна Ершова
Древняя Америка:
полет во времени и
пространстве. Мезоамерика
Серия «Сокровенная
история цивилизаций»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3940205

Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика:

Культурный центр «Новый Акрополь»; М.; 2006

ISBN 5-90650-16-6

Аннотация

Книги Г.Г. Ершовой, директора Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова РГГУ, из цикла «Древняя Америка: полет во времени и пространстве» посвящены истории древних культур и цивилизаций Нового Света. Эти издания уникальны не только для нашей страны. В двух книгах рассматривается весь период развития цивилизации в Новом Свете – от заселения континента и до появления испанцев, в них представлены самые современные научные материалы по культурам всех «трех Америк»: Северной, Центральной и Южной. Особое внимание

уделено выдающимся цивилизациям континента, однако книги являются собой и почти энциклопедическое издание, поскольку в них собрана информация о большинстве древних американских культур. Вместе с тем они написаны в научно-популярном жанре, что делает их доступными самым широким читательским кругам. Книга, которую вы держите в руках, посвящена культурам Мезоамерики.

Содержание

Вступительное слово	9
Глава 1	14
Как жилось мезоамериканцам до появления ольмеков?	17
Какие даты ориентируют нас в культурной истории региона?	21
Где же, наконец искать ольмеков?	23
Художественный стиль или цивилизация?	25
Как же выглядела цивилизация ольмеков?	28
Ольмекский город: на пути к Полярной звезде	30
Гигантские головы – африканцы или инопланетяне?	38
Проблема «мертвого глаза»	43
Головной убор далекого прапредка	48
Зачем ольмекам нужна была монументальная скульптура?	49
Алтари для жертвоприношений?	51
Кого изображали сидящие фигуры?	57
Мелкая пластика	59
Рисунки в пещерах	64
Куда исчезли ольмеки?	74
Глава 2	76
Разрушенный город – словно потерпевший	78

крушение корабль...
Конец ознакомительного фрагмента.

Галина Гавриловна Ершова
Древняя Америка: полет
во времени и пространстве.
Мезоамерика

Галина Гавриловна Ершова – доктор исторических наук, знаток древнего письма майя, специалист по истории древних американских цивилизаций. Она автор многочисленных публикаций, в том числе монографии «Система родства майя. Опыт реконструкции», а также биографической повести «Фрай Диего де Ланда» и книги о духовных представлениях древних жителей Мексики и Гватемалы «Древние майя: уйти, чтобы вернуться». В настоящее время Г.Г. Ершова является директором Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета.

*Моему шефу
Юрию Валентиновичу Кнорозову
посвящается.*

Вступительное слово

Более двадцати лет тому назад, когда я еще только готовила диссертацию о иероглифических текстах майя под руководством Ю.В. Кнорозова, у меня возникла идея написания книги о древних американских культурах. Доктор исторических наук Юрий Валентинович Кнорозов, которого мы, его ученики и коллеги, за глаза звали «шефом», не просто являлся научным сотрудником ленинградского отделения Института этнографии. Именно он в 1952 году дешифровал иероглифическое письмо индейцев майя, за что в 1975 году был награжден Государственной премией СССР. Позже его избрали почетным членом Мадридского общества по изучению майя, членом Национального географического общества США. Он получил специальную Большую Золотую Медаль от президента Гватемалы и Орден Ацтекского Орла от президента Мексики. Он был последним из плеяды великих дешифровщиков древних систем письма, список которых в XIX веке открывал Франсуа Шампольон. Еще при жизни Кнорозов превратился в человека, о котором ходило множество самых невероятных легенд. А сразу после смерти в марте 1999 года его именем назвали Центр мезоамериканских исследований, созданный в Российском государственном гуманитарном университете.

Мы – шеф, археолог Валерий Иванович Гуляев, главный

редактор журнала «Латинская Америка» Серго Анастасович Микоян и я – не раз предпринимали попытки издания в России книги «про все» древние американские культуры. Однако каждый раз возникали самые неожиданные препятствия.

Наконец, много лет спустя, я начала работать над этой книгой, сочиняя главу за главой – хотя бы для того, чтобы использовать их для преподавания курса «история доколумбовых цивилизаций», который читается сотрудниками Центра студентам РГГУ. Я не сомневалась в том, что готовая работа должна хоть когда-нибудь увидеть свет.

Оказалось, что очень трудно в двух словах рассказать о многовековой истории целого континента, заселенного многочисленными народами. Судьба каждого достойна большого полноценного издания. И потому глав в сочинении про «доколумбову Америку» становилось все больше и больше – причем настолько, что стало возможным сделать две достаточно независимые книги. Так и получилось: одна из них включила в себя разделы по Северной и Южной Америкам, а книга, которую сейчас держит в руках читатель, полностью посвящена центральному цивилизационному очагу континента – Мезоамерике. В те далекие времена она представляла собой некий «генератор», безостановочно создававший все новые культуры, которые динамично продвигались по пути общечеловеческого прогресса, оказывая влияние и на северных, и на южных соседей.

Из Космоса центральная часть Американского континен-

та в западном полушарии Земли выглядит совсем крошечной – тонким перешейком, соединяющим северные и южные территории. Но по мере приближения, как на показанном Маргарите глобусе булгаковского Воланда, этот почти незаметный «квадратик земли» многокрасочно расписывается, превращаясь как бы в рельефную карту. Неведомая суша обретает пространство, объем, краски, запахи, звуки и голоса. Мир индейцев разрастается, и мы становимся свидетелями драматических событий и выдающихся интеллектуальных взлетов, открытий, войн и созидательного творчества – всего того, что создает общечеловеческую цивилизацию, частью которой являемся и мы сами.

Наверное, именно так можно представить себе полеты мексиканских «видящих» – нагуалей. Правда, если судить по древним иероглифическим текстам майя, они могли перемещаться даже по Млечному Пути и посещать Большую Медведицу.

По всей видимости, и у древних «видящих» имелись свои пристрастия при выборе мест для мистических посещений. Так и читатели часто оказываются весьма придирчивы в своих интересах: одни увлечены исключительно Северной Америкой, другие – Южной, а третьи превыше всего ставят изысканных ученых майя, нейрохирургов сапотек, воинственных поэтов тольтеков или амбициозных и философствующих астеков...

О достижениях удивительных культур и великих цивили-

заций древней Мезоамерики и пойдет речь в предлагаемой книге. Наш полет во времени и пространстве продолжается...

Г.Г. Ершова

Москва, январь 2002 г.

Благодарности всем, кто мне жить и писать помогает

Я счастлива, что в моей жизни есть все эти люди, без которых я не смогла бы сделать и сотой части того, что удалось. Помощь и поддержка каждого бесценны.

Главная благодарность – моему мужу Гильермо Антонио Овандо-Уркису, дочери Анне Овандо-Уркису, зятю Михаилу Мещерякову.

А также:

Валерию Ивановичу Гуляеву

Александру Петровичу Логунову

Ирине Константиновне Федоровой

Ольге Федоровой

Екатерине Дэвлет

Леониду Павловичу Гримаку

Тиахоге Руге

Майклу Ко

Серго Анастасовичу Микояну

Всем коллегам-американцам
Моим ученикам
Посольству Мексики в Москве
Редакции журнала «Латинская Америка»
Институту археологии РАН
Российскому государственному гуманитарному
университету

Глава 1

ОЛЬМЕКИ: ЗАГАДКА ГИГАНТСКИХ ГОЛОВ

Самолет кружил над Табаско, одним из южных штатов Мексики, прилепившимся к нижней части петли Мексиканского залива. Сверху казалось, что пилот занят поиском подходящего для посадки островка суши посреди сплошных озерков и болот, которые с высоты полета выглядели как огромное, расколовшееся на тысячи кусочков зеркало.

– Интересно, где они тут исхитрялись строить города? – заметил Юрий Валентинович, глянув после моих долгих уговоров в иллюминатор.

«Они» – это были древние, или, как их еще называют, «археологические», ольмеки, создатели самой первой цивилизации в Мезоамерике. Как и везде в Новом Свете, здесь не обошлось без загадок. Главной и самой интригующей тайной стали так называемые «гигантские головы», черты которых напоминали, по мнению авторитетных во всем журналюгов, африканские лица. На основании этого сходства уже строились чуть ли не целые теории создания таинственными неграми американских цивилизаций. Особо буйная фантазия рисовала космический корабль, прилетевший с Сириуса и прихвативший по дороге передовой отряд черных догонов.

Нам же, уставшим от бесконечных до оскомины ежегодных пушкинских праздников, эти каменные изваяния представлялись чем-то вроде злобной головы, с которой сражался героический Руслан.

За подобными веселыми размышлениями мы не заметили, как самолет приземлился, выбрав-таки островок суши – на нем сумели поместить столицу штата, город Вильяэрмосу. Продолжая смеяться, мы вышли из самолета. И первым, что поразило нас, была 40–градусная, переполненная влажностью жара. Контраст с горным воздухом Мехико ошеломлял. Это было то самое, что можно назвать одним словом – тропики. Нас встречали коллеги – сотрудники местного отделения Национального института истории и антропологии. Вместе с ними нам предстояло посетить основные города древних ольмеков – колыбель мезоамериканской цивилизации. Надо заметить, что мексиканцы очень мудро подошли к проблеме сохранения своего культурного наследия: Институт истории и антропологии не только занимается археологическими работами, но и ведает туризмом, получая от этой деятельности огромные доходы, которые и идут на финансирование раскопок и консервацию памятников.

Честно говоря, трудно не восхищаться работой археологов в болотистых землях Табаско. Время раскопок ограничено сезоном дождей, который длится с мая по ноябрь. В подобных условиях любые материалы – тем более органические – разрушаются чрезвычайно быстро. Сохраняются

только изделия из камня. Поэтому датировка памятников зачастую затрудняется из-за отсутствия органического материала для проведения радиоуглеродного анализа. А что говорить о болотистой почве, жаре, злобных насекомых 24 часа в сутки и обилии змей! В одном из лагерей археологов мы наблюдали пример удивительной гармонии, существующей в окружающей среде. Для того чтобы не ходить в темноте, археологи протянули между домиками вдоль дорожек освещение. По вечерам, как только включали свет, тут же вокруг фонарей собирались тучи насекомых. В поисках ужина вслед за насекомыми припрыгивали толпы жаб и лягушек. А потом приползали колонны не менее голодных змей... В результате пришлось свет на дорожках отключить и ходить, как и прежде, с фонариком.

Как жилось мезоамериканцам до появления ольмеков?

До возникновения ольмекской цивилизации этот богатый пищевыми ресурсами и весьма комфортный по своему климату регион, конечно же, был заселен. На протяжении тысячелетий шло постепенное окультуривание растений, и в первую очередь маиса.

Первые свидетельства о появлении в Мексике признаков одомашнивания (доместикации) маиса относятся к V тысячелетию до н. э. В IV тысячелетии в долине Теуакана, расположенной неподалеку от Табаско, к северо-западу, распространяется маисовое земледелие. Точкой отсчета для перехода местных охотников и собирателей от кочевого и полукочевого образа жизни к оседлости и земледелию становится жизнь в долине Теуакана в середине III тысячелетия до н. э. Однако это были всего лишь общинные поселения, не имевшие очень сложной социальной организации. О таком важном шаге, как появление государства, можно говорить лишь в связи с возникновением цивилизации ольмеков во II тысячелетии до н. э. (а по мнению некоторых – в III). Эта цивилизация просуществовала до начала нашей эры и, как это случается в истории, непонятным образом исчезла.

Жизнь местного населения до появления ольмеков, в изложении одного из крупнейших исследователей архаических

культуры Мезоамерики Ричарда Дайла, выглядела следующим образом:

«Это были маленькие поселения с племенной организацией, жившие за счет сельского хозяйства. Такой образ жизни сложился в результате нескольких тысячелетий культурного развития, в течение которых бродячие охотники и собиратели одомашнили растения и создали свои поселения. Эти правила, определяемые жизнью маленьких поселений, обеспечили создание сельскохозяйственной культуры, богатой и сытой, которая просуществовала в сельской местности Мексики до XX века. Эти культуры пережили взлеты и падения цивилизаций, конкистадоров, революции и миссионеров.

Маис был основой питания, женщины занимались его перемалыванием, приготовлением лепешек и других блюд. Пищевой рацион составляли фасоль, тыквы, перец-чили и овощи с огорода, а также мясо оленя, зайца, птиц и собачек. Были свои правители и чиновники, сборщики налогов. Семьи могли потреблять большую часть производимого.

Технология производства и материальная культура были достаточно просты, но великолепно приспособлены для хозяйственных нужд. Из глины делались сосуды и фигурки с изображениями людей и животных. Из камня изготовлялись зернотерки, инструменты для рубки и шлифовки. Сохранилось мало предметов из дерева, волокон и тканей.

Очень мало известно о религии. Однако захоронения людей сопровождаются сосудами и фигурками из глины, кото-

рые создают впечатление богатой духовной жизни.

Фигурки людей в одеяниях игроков в мяч напоминают столь обычный в более поздние времена ритуал. К сожалению, нам не известны ни ритуалы, связанные с жизненными циклами, ни космология, ни большая часть верований, формировавших основы религии.

Не было еще городов, социальных классов, гражданских или религиозных чиновников, правителей, профессиональных торговцев, искусных ремесленников. Примитивная архитектура не имела каменных зданий, искусственных насыпей, обработанных монументальных памятников, систем алфавитного письма».

Так, достаточно бедно, выглядит реконструкция духовной и творческой жизни в регионе на основании имеющихся – или, точнее, обнаруженных – археологических данных. Легко представляются тихие, мирные сельские жители, думающие лишь о своем пропитании. Однако отсутствие памятников отнюдь не свидетельствует о застое в развитии. Не следует забывать, что уже в середине II тысячелетия до н. э. в Кукуилко (неподалеку от нынешней столицы Мексики города Мехико) возводится ракушковидная пирамида для астрономических наблюдений, что свидетельствует не просто о взлете научной мысли, но о существовании прообраза единой идеологической модели, которая спустя две тысячи лет распространится по всей Мезоамерике в многочисленных памятниках материальной культуры.

Очень важно отметить, что на протяжении очень долгого времени по всей территории Мезоамерики – за исключением отдельных случаев на западе региона – существовала единая традиция захоронения, которая кое-где сохраняется и поныне. Мертвых оставляли в пределах жилого пространства – под полом жилья или в непосредственной близости от него. И какими бы ни были религиозные представления, совершенно очевидно, что все обитатели региона придерживались единого мнения о посмертном существовании умершего и его постоянной связи с родственным кланом.

Какие даты ориентируют нас в культурной истории региона?

Присутствие человека и следы его деятельности отмечены в этом регионе чрезвычайно давно. Однако представления о духовной жизни местных обитателей позволяет сформировать не бытовой инвентарь, а лишь те предметы (или декоративные элементы), которые, казалось бы, не играют никакой роли в хозяйстве: орнаменты, «бесполезные» фигурки и сооружения, росписи.

Именно такой предмет – единичная женская фигурка, обнаруженная в долине Мехико, – датируется археологом Кристин Нидербергер 2300 годом до н. э. И только спустя 700 лет наступает период массового производства подобных фигурок.

Начиная с 1200 года до н. э. появляются очень любопытные фигурки, изображающие двухголовых или двуликих людей. Иногда у них бывает три глаза, два носа или два рта. Двуликость символизирует двойственность существования человека не только в самом общем смысле оппозиции жизнь-смерть, но отражает понимание внутренней асимметрии развития человека: правая половина лица, в виде черепа, символизирует прошлое и смерть, а левая половина предстает как живое лицо, устремленное в будущее. Это одно из самых непонятных явлений в человеческом познании: древние

чувствовали или видели то, к чему современная наука только подходит.

Тогда-то, с осознанием соотношения человеческой жизни и времени в виде триады прошлое-настоящее-будущее, с пониманием неразрывной связи между человеком и Космосом, и появляются ольмеки. Появляются, чтобы создать удивительную цивилизацию, ставшую, по образному сравнению археологов, «матерью» для всех более поздних цивилизаций Центральной Америки, и в том числе для единственной письменной цивилизации континента – майя.

Где же, наконец искать ольмеков?

Ольмеки, как нетрудно догадаться, появились на побережье Мексиканского залива – на территории современного мексиканского штата Табаско и южной части Веракруса. Земли, как уже упоминалось, и сейчас, и тогда были здесь в основном болотистые, пересекаемые множеством рек и лагун. Отсюда начинается путь внутрь континента по рекам Грихальва и Усумасинта. С севера, у побережья, имеются небольшие горные массивы Туштла и Серро-Синтепек.

Они расположены в удалении от основных древних городских центров. Настоящие горы начинаются ближе к границе со штатом Чьяпас – на юге. Жаркий и влажный тропический климат этой болотистой равнины отличается рекордным количеством осадков, что создает прекрасные условия для сбора до трех урожаев маиса и бобовых за год. Грозы поражают своей интенсивностью и мощностью электрических разрядов.

Среди представителей фауны преобладают пресмыкающиеся. Достаточно сказать, что на всей планете этот регион – один из самых насыщенных в видовом отношении змеями и рептилиями. Не случайно главной достопримечательностью современного ольмекского археологического парка столицы штата, города Вильяэрмосы, считается гигантский кайман более 10 м длиной с безобидным именем Марипоса, что означает «Бабочка». Во время разливов кайман пе-

ребирается через заграждение, выплывает в открытую лагуну и греется на ухоженных лужайках перед богатыми домами в ожидании угощения. Вообще, с кайманами у жителей юга Мексики сложились особые отношения. Например, на Юкатане, где живут майя, в археологическом центре Коба, что неподалеку от знаменитой Чичен-Ицы, вот уже несколько лет крупный кайман имеет привычку ровно в 6.30 утра выползать из озера, чтобы направиться к местному ресторанчику за своим завтраком. В последние годы к большому кайману присоединился и второй – поменьше. Хозяева, которые поначалу расценивали подобные визиты как отличную рекламу для заманивания туристов, теперь всерьез опасаются своих прожорливых постоянных клиентов – однако не предпринимают ничего, чтобы как-то от них избавиться.

Таким образом современное индейское население – потомки майя – хранит архаические традиции, сложившиеся еще во времена ольмеков. Поскольку все слышали о знаменитом мексиканском Пернатом Змее, легко догадаться, что упоминание о рептилиях отнюдь не случайно: именно эти холоднокровные существа послужили прообразом важных персонажей мезоамериканской мифологии и даже космогонии.

Художественный стиль или цивилизация?

Долгое время древняя ольмекская цивилизация оставалась для исследователей неуловимой. Разрозненные ольмекские памятники приписывались то одной, то другой культуре региона. И только в 30-е годы XX столетия мексиканский ученый Жорж Вайан заявил о специфическом ольмекском стиле искусства, после чего начались активные полевые работы в Табаско. Американские археологи М. Стирлинг и Ф. Дракер представили материалы раскопок в двух крупных центрах – Ла-Венте и Трес-Сапотес.

Однако последовавшие за этим многочисленные открытия показали, что речь идет не о специфическом стиле, а о новой, неизвестной цивилизации, предшествовавшей майя и астекам. Именно тогда и появилась идея *«материнской культуры»*, согласно которой все мезоамериканские цивилизации возникли от ольмекской. Эту концепцию на протяжении последних десятилетий активно разрабатывал крупнейший американский археолог-американист Майкл Ко. Суть концепции сводилась к следующим положениям. Во-первых, основные характеристики мезоамериканского искусства, его религиозная направленность возникли сначала у ольмеков побережья Мексиканского залива. Затем ольмеки смогли внедрить эти характеристики по всему региону. Для всех

более поздних культур эти основы стали моделью для воспроизведения. Во-вторых, общими типологическими признаками для всех мезоамериканских культур являются: городская планировка с прямоугольной главной площадью; искусственные платформы, пирамиды с храмами; дворцовые постройки; монументальная скульптура, включающая алтари, стелы, статуи. В-третьих, общие научные знания: иероглифическое письмо, счет или же графически сходная символика; расписная керамика и предметы мелкой пластики со специфическим орнаментом или сюжетами.

Самым необъяснимым и уязвимым пунктом этой теории – при всей ее очевидности – являлась невозможность объяснить, каким именно путем осуществлялось столь грандиозное влияние на весь регион.

Была предложена гипотеза о неместном происхождении создателей ольмекской культуры, которые вторглись на эту территорию около IX века до н. э. и установили свое господство над жившим здесь населением. Кроме того, было очевидно, что одновременно с ольмеками по соседству существовали и другие культуры, которые развивались в одном направлении, но разными путями, как, например, сапотеки.

Успехи в изучении древних ольмеков оказались так велики, что даже возникла абсурдная гипотеза о существовании грандиозной империи ольмеков, простиравшей свое влияние чуть ли не на весь континент. Наиболее объемно и увлекательно ее изложил французский ученый Жак Сустель. Од-

нако это построение выглядит примерно так, как выглядел бы вывод о существовании могущественной империи евреев, сделанный на основании факта присутствия христианских церквей по всему миру.

Против модели «материнской культуры» выступила политически корректная школа *«равного участия»* Поля Толстого. Ее сторонники стоят на упрощенной позиции: архаические общества Мезоамерики эволюционировали в одно и то же время, и потому нельзя отдавать преимущество той или иной отдельной культуре или региону.

Ученые до сих пор так и не пришли к общему мнению. Таким образом, загадка происхождения цивилизации ольмеков и способа ее влияния на более поздние культуры, в частности майя, продолжает оставаться неразгаданной.

Как же выглядела цивилизация ольмеков?

Судя по данным археологии, это были ритуально-административные центры, рассеянные по всей территории и располагавшиеся чаще всего вблизи рек. Подобные ритуальные центры принято называть *протогородами*. Поселения из рассеянных домохозяйств соответствовали родоплеменной организации общества. Они не являлись составной частью протогорода и могли располагаться на значительном от него удалении. Поскольку известно несколько городских центров ольмеков, можно предположить, что возникали они по принципу укрепления власти родовых вождей, тогда как зависимые поселенческие общины должны были принадлежать тому же роду. Любопытно, что известно около 10 археологических центров ольмеков. Четыре из них, наиболее крупные, относительно равномерно расположены по территории цивилизации вдоль побережья Мексиканского залива, на некотором удалении от моря. Это (с запада на восток) Трес-Сапотес (500–100 гг. до н. э.), Лагуна-де-лос-Серрос (900–500 гг. до н. э.), Сан-Лоренсо (1350–700 гг. до н. э.) и Ла-Вента (1100–400 гг. до н. э.).

Вокруг этих крупных центров, в основном в центре и на западе, возникали и более мелкие, некоторые из которых как бы противостояли главным. Деление земель ольмеков (если

судить по известным городским центрам) свидетельствует о фратриально-племенном подходе к формированию социальной организации складывавшегося общества.

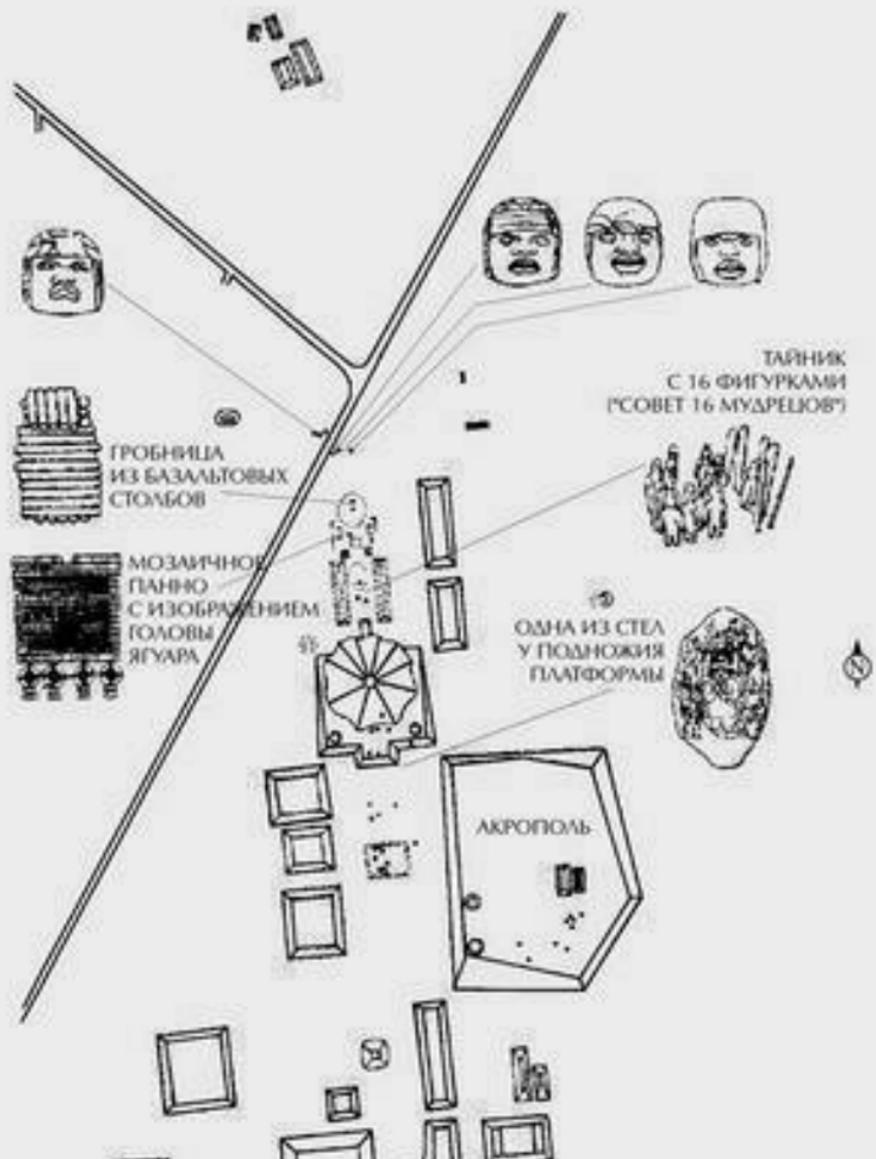
Протогородские центры, создававшиеся древними ольмеками, имели сакральное значение и воплощали религиозно-социальное устройство мира, в основе которого лежали знания о мире и космосе, культ предков и представления о реинкарнации.

Ольмеки создали монументальную скульптуру – алтари, гигантские головы, сидящие фигуры, – основной темой которой была идея реинкарнации и связи со страной предков. Изящная керамика покрывалась стилизованным орнаментом. Из полудрагоценных камней изготавливались украшения и фигурки. Наиболее ценным считался «зеленый камень» – так назывались многочисленные разновидности нефрита и жадеита. Ольмекские настенные росписи и рельефы встречаются в горных пещерах на достаточном удалении от основной территории цивилизации, вплоть до центральной Мексики, что свидетельствует о значительном культурном влиянии на сопредельные регионы.

Ольмекский город: на пути к Полярной звезде

Городская планировка представляла собой серию построек на платформах вдоль осевой дороги, ориентированной с юга на север. Платформа как универсальный элемент мезоамериканской архитектуры имела двойное значение: во-первых, это был способ спасения от воды и сырости и, во-вторых, она символически отделяла мир живых от мира мертвых.

Одним из наиболее изученных и долговечных ольмекских городов является Ла-Вента. Его площадь составляла около 200 га, а население зависимых поселений оценивается в 18 тысяч человек. Планировка этого города великолепно иллюстрировала «реинкарнационную» концепцию: главный вход в комплекс (и профанная часть) располагался на юге, а далее дорога вела на север, воплощавший место древней прародины. Одновременно чем дальше на север, тем сакральнее становились постройки архитектурного ансамбля города. В планировке городской ансамбль выглядел достаточно симметричным относительно центральной осевой улицы. Однако по своим функциям южная и северная части представляли асимметричное единство жизни и смерти, профанного и сакрального.

Илл. 1. План Ла-Венты – крупнейшего города археологических ольмеков, при строительстве которого была воплощена «горизонтальная» пространственная модель мира. «Дорога жизни» начинается с южной стороны архитектурного ансамбля и завершается на севере – там, где находятся мифологические прапредки

Рассмотрим планировку Ла-Венты более подробно. В южной части ансамбля вдоль центральной дороги располагалось несколько платформ, на которых, возможно, воздвигались административные постройки или жилье знати. Затем посредине города находилась центральная часть «дороги жизни», которая расширялась до размеров прямоугольной площади, окруженной платформами. С западной стороны платформ с постройками было три, а с восточной – одна, представлявшая отдельный акрополь. Северная сторона площади перекрывалась платформой сложной конфигурации. Поверх нее располагалась круглая ребристая пирамида, достигавшая 30-метровой высоты. У подножия пирамиды ставились монументальные памятники – стелы и каменные фигуры.

Пирамида разделяла городской ансамбль на две асимметричные половины. Именно от нее по направлению к северу начиналось сакральное пространство города.

По архитектурному решению оно напоминало хорошо из-

вестную в более поздние времена площадку для ритуальной фратриальной игры в мяч, воплощавшей вход в преисподнюю. Это была часть «дороги смерти», вдоль которой возвышались две параллельные постройки. От пирамиды вниз на площадку вела лестница, символизировавшая спуск в преисподнюю.

Под этой дорогой-площадкой, символизировавшей уже саму преисподнюю, был помещен тайник с 16 фигурками – изображениями глав родов племени, которые как бы собрались у шести стел с символическими знаками. Сверху над тайником располагалось замаскированное отверстие, в которое можно было смотреть за происходящим. Видимо, ольмекские жрецы ожидали советов от родоначальников племени. Поверх северной части площадки было сложено большое мозаичное наземное панно, изображавшее морду ягуара, под которой располагались четыре подвески, состоявшие каждая из четырех фрагментов, что, безусловно, также воплощало единство племени, состоявшего из 16 родов, организованных в четыре фратрии.

Сразу после панно находилась важнейшая часть сакрального комплекса – четыре пустые гробницы и одно погребальное сооружение, в котором были найдены останки двух детей.

В первой из пустых гробниц был великолепный саркофаг вытянутой формы, с закругленными углами, накрытый тяжелой прямоугольной крышкой-панелью. Он был высечен из

глыбы песчаника. Костей в нем не оказалось, но были нефритовые украшения и статуэтки. По словам известнейшего мексиканского исследователя Игнасио Берналя, «у ольмекского саркофага было иное значение: он представляет собой ягуара так, как если бы тот вобрал в себя покойника, наподобие того, как иногда в его раскрытую пасть вписывается живой человек».

Илл. 2. «Совет 16 мудрецов» из тайника в Ла-Венте, относящегося к 800–400 гг. до н. э. Поверх тайника было проде-

лано отверстие, которым пользовались ольмекские жрецы. Какую информацию хотели получить они от этих странных персонажей?

Узкая грань саркофага полностью покрыта рельефом, изображающим морду ягуара, причем нижнюю половину занимает контур большой изогнутой пасти в форме характерного крестовидного овала. От огненных, так называемых «пламенеющих», бровей (символ странствующей по Млечному Пути души) отходит другой опоясывающий орнамент, ритмично повторяющий рисунок над носом и между бровями ягуара – наподобие пробивающегося растения из двух лепестков, что символизирует возрождение. Таким образом, ольмекский «ягуаро-саркофаг» символизирует пространство пещеры предков, куда направляются души умерших для встречи с предками и последующей реинкарнации.

Внутри холма находились еще три сходные между собой гробницы. Одна из них была сложена из плоских плит песчаника и также оказалась пустой. Вместо тела человека здесь также были обнаружены лишь украшения, расположенные соответствующим образом на овальном красном пятне. Там, где должна была быть голова, лежали две ушные вставки. Затем – нефритовое ожерелье, нагрудные подвески и статуэтки. Две других гробницы отличались лишь незначительными деталями.

Самая любопытная гробница располагалась в северной

части погребальной платформы. Она была сложена из базальтовых вулканических столбов в виде дома и ориентирована по главной оси юг-север. На полу были обнаружены два овальных красных пятна, на которых лежали фрагменты детских скелетов, что заставляет вспомнить миф о близнецах, которые являются едва ли не главными культурными героями мезоамериканской мифологии. Четыре пустые гробницы скорее всего имеют отношение к представлениям о структуре власти и связаны с главами четырех фратрий или родов. Поскольку смена власти в племени носила ротационный характер, саркофаг мог предназначаться для «главного среди равных» – правителя.

Северная граница городского ансамбля, символизировавшая переход в мифологическое или легендарное пространство, была обозначена четырьмя гигантскими головами – огромными круглыми или чуть овальными каменными монолитами выше человеческого роста, изображавшими голову и лицо человека. Расположение голов внутри ансамбля Ла-Венты явно указывает на их сакральное значение, связанное с прапредками, поскольку их четыре – видимо, по числу фратрий в племени (или родов во фратрии). Они находятся на одной линии, как бы отчеркивая северную границу центра и указывая в сторону легендарной прародины.

В Сан-Лоренсо обнаружено 10 гигантских голов. Это количество позволяет предположить, что каждая из голов передает образ одного из 16 глав родов, входивших в племя, и

что в этом городе, возможно, будут обнаружены еще шесть
ГОЛОВ.

Гигантские головы – африканцы или инопланетяне?

Обнаружение первых огромных каменных голов в болотистой сельве произвело научную сенсацию и напомнило описание Пушкиным встречи Руслана с головой:

Найду ли краски и слова?
Пред ним живая голова.
Огромны очи сном объаты;
Храпит, качая шлем пернатый...

Головы-монолиты превышали человеческий рост, что с удовольствием запечатлевалось на фотографических снимках: маленькая фигурка индейца или археолога на фоне огромного лица. При этом человек мог небрежно опираться рукой на огромную щеку или ухо. Сразу начали возникать многочисленные версии, «объясняющие» происхождение голов.

Для всякого уважающего себя искателя Атлантиды нет сомнений в том, что каменные головы являются портретами жителей некогда исчезнувшего легендарного материка. Поклонники инопланетян с не меньшей уверенностью утверждают, что это головы космонавтов в шлемах. Но есть и такие, кто обнаруживает в чертах губастых лиц явные призна-

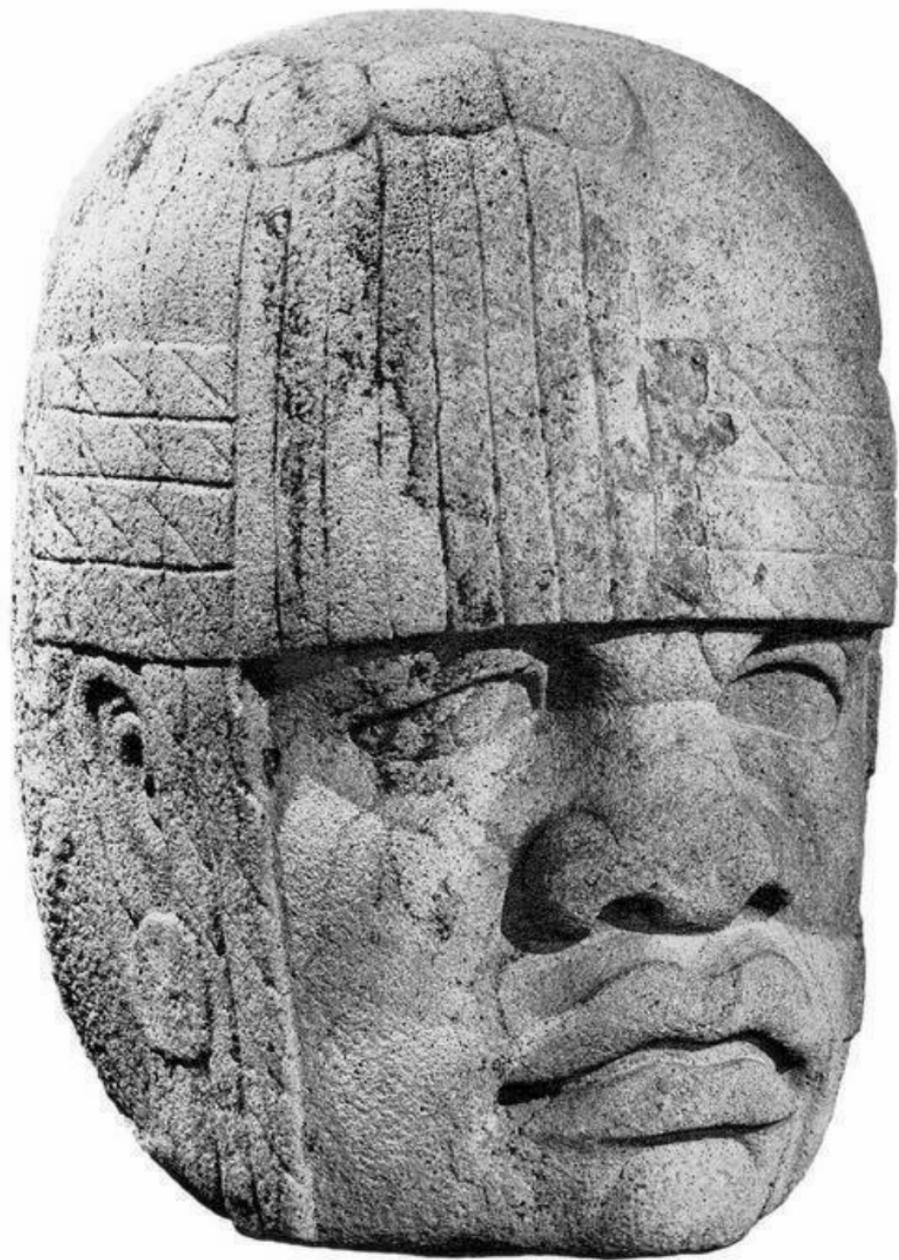
ки негроидности. Таким образом, мы получаем некий собирательный образ негра-инопланетянина, а цивилизация ольмеков сразу переходит в разряд не просто «загадочных», а даже «таинственных». Тем не менее, уже не раз было показано, что антропологические черты голов вполне соответствуют чертам местного населения и характеристикам изобразительного стиля ольмеков.

Как бы то ни было, загадка появления такого странного, типично ольмекского памятника, как гигантские головы, до сих пор продолжает оставаться одной из наиболее спорных проблем древнеамериканской археологии.

Надо заметить, что обнаруженных к настоящему времени голов в распоряжении археологов не так уж и мало – всего около 20, из которых 10 находятся в Сан-Лоренсо, четыре – в Ла-Венте, две – в Трес-Сапотес и одна – в Ранчо-ла-Кобата.

Было написано немало работ, в которых предпринимались попытки понять смысл и назначение этих памятников. Однако дело осложнилось еще и тем, что по мере удаления от «метрополии» ольмеков стали обнаруживаться головы размером поменьше, а также круглые каменные шары, имевшие что-то неуловимо общее с ольмекскими головами. Так, например, в расположенном у Тихоокеанского побережья на границе с Гватемалой центре Исапа, существовавшем чуть позже ольмеков, круглые шары небольшого размера были обнаружены рядом с маленькими каменными столбами, которые вполне могли служить для них подставками.

Характерной особенностью гигантских голов, помимо их огромного размера, является выражение лица, которое в каждом случае индивидуально, однако этой детали исследователи внимания практически не уделяли. Анализ памятников сводился в основном к оценке размеров и материала, попытке определить антропологические признаки и характер головного убора, которым вполне мог быть и «шлем пернатый» (ай да Пушкин, ай да провидец!).

Илл. 3. Гигантская голова ольмеков из Сан-Лоренсо. Эти огромные круглые или чуть вытянутые каменные монолиты изображали голову и лицо человека. Своим размером они превышали человеческий рост

Времена, когда в чертах лиц каменных голов удавалось разглядеть даже негроидов, ушли в прошлое, но, как нам кажется, полноценное объяснение памятника стало возможным лишь в настоящее время – благодаря иероглифическим текстам майя, впервые со всей очевидностью раскрывшим главную для понимания древней американской культуры идею *реинкарнации*.

Проблема «мертвого глаза»

Изучая изображения на керамических расписных сосудах индейцев майя, исследователи регулярно отмечали присутствие так называемого «мертвого глаза». Это изображение небольшого чуть вытянутого кружка с темным центром, к которому иногда добавлялось нечто вроде хвостика. «Мертвым» глаз считался исключительно по той причине, что изображался изолированно, то есть без человека и почти всегда даже без лица. Этот же отделенный от человека глаз встречается и в иероглифических рукописях, где его анатомически достоверно отрывает от глазного нерва (тот самый «хвостик»!) птица. Вместе с тем этот «мертвый глаз» порой почти полностью теряет свой узнаваемый вид и более походит на некий стилизованный шарик или ягоду. Именно в таком виде этот предмет регулярно появляется в клюве птицы в сюжетах, связанных с представлениями о смерти. Птица-посланник всегда достаточно легко опознается по крупным перьям с пятнами, крючковатому носу и большой когтистой лапе. Ведущий американский археолог Майкл Ко считает, что это разновидность совы, известная из мифологии под названием *птица Муан*. В иероглифических текстах майя встречается фонетическая запись этого названия: *ти-аан*. Расценивая сову как «связника» между мирами, хотелось бы заметить, что в этом регионе живут совы, которые

обитают в подземных норах, – норные совы, которые охотятся и днем, и ночью. Сами они редко роют себе жилище – чаще занимают оставшиеся норки броненосцев, лис и степных собачек. В зодиакальном круге сова занимает достойное место среди созвездий «потусторонней», северной, женской половины мироздания.

Поначалу похожий на ягоду предмет в клюве птицы не вызывал у исследователей особого интереса, поскольку выглядел ее естественной добычей.

Однако было подмечено, что вместо этой «ягоды» индейцы иногда рисовали в клюве птицы... голову человека, что и заставило воспринимать этот знак не как изображение плода, а как особый символ. Следует заметить, что древние – не только ольмеки – любили, как мы бы сейчас назвали, семантические игры, суть которых универсально сводится к следующему. В древних языках существовало много слов-омонимов, то есть одно и то же слово имело зачастую до пяти-шести значений. Трудно что-либо сказать о взаимозависимости этих значений, иногда она заметна, а иногда нам совершенно непонятна. Тем не менее, выбиралось слово, которое графически передавалось определенной идеограммой (или фонетическим знаком). Однако в необходимой ситуации под этим изображением подразумевалось не прямое значение слова, а совсем другое, несущее зачастую скрытый смысл, который иногда называют эзотерическим. Подобный прием активно использовался как ольмеками, так и их культурными преем-

никами – майя.

Так, наиболее общим словом для обозначения плода в языке майя является *ich*. *Ich huh*, например, – название растения, определяемого как *Eugenia Axillaris*, это куст с плодами в виде маленьких ароматных красных ягод. Однако помимо значения «плод растения» по омониму *ich* означает: «приплод» или «человеческий плод», то есть «зародыш», а также имеет значение «близнецы». Глагол *ich-il* означает «забеременеть». Но и это не все. Слово *ich* имеет еще несколько значений: «глаз», «лицо», «похожий» и даже «поверхность земли».

Иконография майя представляет случаи замены изображения ягоды на опознаваемое изображение лица (голова) человека, что с точки зрения семантики знака вполне допустимо и не противоречит традициям. Так, например, нередко встречается сюжет, где в контур пещеры помещено изображение большой птицы. В ее широко раскрытом клюве – голова человека с подчеркнуто выделенным круглым глазом и завитком (центральный элемент *ich* в качестве поясняющей надписи). Такие изображения есть и на керамических сосудах, и в рукописных кодексах, и в настенных росписях.

С пониманием этой скрытой игры слов стало очевидным, что появление знака *ich*, будь то лицо, глаз или плод, указывает на то, что речь идет о возрождении души умершего. Неслучайно и другое значение этого слова – «похожий». Дело в том, что, согласно идущей из глубокой архаики май-

яской системе родства, новорожденный наследовал вместе с душой своего умершего деда (предка через поколение) и его внешний облик, и характер, и имя, и социальный статус. Изображение глаза как бы символизировало передачу этой духовной сущности человека. При всей неожиданности образа стоит согласиться, что глаза закономерно отождествляются с душой, поскольку это единственный орган, который как бы имеет самостоятельную жизнь и экспрессию. Причем об умирании глаз можно говорить отдельно от всего тела, что, видимо, и должно подразумевать уход души.

Согласно версии эпоса индейцев майя-киче «Пополь-Вух», девушка Иш-Кик (имя означает «Кровинка») беременеет от слюны плюнувшей ей в ладонь головы одного из близнецов, которая выросла вместе с другими плодами на тыквенном дереве. В результате у девушки тоже рождаются близнецы. Это еще один мифологический сюжет, построенный на все той же семантической игре.

Итак, начиная с ольмекской традиции и до колониальных времен образы «мертвый глаз», «лицо», «гигантская голова» были тождественны между собой и идеографически обозначали душу, передаваемую потомку от далекого предка путем реинкарнации. Таким образом, становится очевидным, что только ради изображения «лица» древние ольмекские мастера изготавливали всю гигантскую голову. Шарообразность памятника лишь подчеркивала значение «плод».

Выражения лиц у голов разные – и это не случайно, по-

сколько они должны были передавать портреты различных людей. Вместе с тем почти все лица содержат элементы, указывающие на преклонный возраст изображаемых персонажей. Таким образом, гигантские головы – это первые портретные изображения мифологизированных прапредков – основателей племени на далекой прародине, которая давно «исчезла» в пещерах где-то на севере.

Головной убор далекого прапредка

Нетрудно заметить, что головные уборы на гигантских головах разные. Так, например, на голове 10 из Сан-Лоренсо надет как бы шлем из нефритовых пластинок. Подобные уборы носили позже правители майя, например, в знаменитом Паленке. Головные уборы 3 и 4 из Сан-Лоренсо содержат элемент из четырех витых веревок, что является уже указанием на родовую структуру племени и прямую связь по крови между предками и потомками. На некоторых головах (например, монумент 1 из Ла-Венты) хорошо различим графический элемент «пещеры». Головные уборы других (монумент 1 из Ла-Венты; головы 1, 2, 6 из Сан-Лоренсо и др.) графически напоминают знак *xib* — «исчезать», «север», что также является прямым указанием на культ предков и легендарную прародину. На шести головах присутствует элемент «птицы» («шлем пернатый» по А.С. Пушкину), связывающей мир живых с миром мертвых.

Зачем ольмекам нужна была монументальная скульптура?

Еще одной загадкой этой цивилизации является обилие среди болот монументальных памятников, изготовлявшихся из крупных монолитов. А ведь эти монолиты приходилось перемещать на сотни километров, не имея тягловых животных и хороших дорог! Изготовление памятников монументальной скульптуры было сопряжено с доставкой каменных глыб волоком из ближайшего базальтового горного массива. Задача была хотя и трудной, но вполне осуществимой в местах концентрации рабочей силы. Как известно, все ранние цивилизации тяготеют к избыточной монументальности. При этом современный человек мучается загадкой: как и зачем переносились на такие большие расстояния эти неподъемные глыбы? Этот вопрос возникает при виде фигур острова Пасхи, платформы Баальбека, египетских монументов. В этот же ряд мы помещаем и каменные памятники ольмеков – гигантские головы и алтари. Как показывают многочисленные расчеты и уже проведенные исторические эксперименты, подобные задачи оказываются по силам и современному человеку, хотя и кажутся ему бессмысленными и излишне трудоемкими. Какую же цель преследовали древние ольмеки, перетаскивая глыбы и возводя города среди воды?

Дело в том, что болотистые земли, удаленные от горных

массивов, значительно усложняли ольмекам проведение обрядов, связанных с культом пещер. Не было даже скал, на поверхности которых можно было бы изобразить эти пещеры, превратив это место в ритуальный центр. Таким образом, единственно доступным способом «воспроизведения» прародины становилось сооружение ритуальных центров, воплощавших пространственную модель мира и превращавшихся постепенно в города, а также возведение монументальных памятников, которые символизировали гору с пещерой прародителей. Использование монолитов только подчеркивало величие замысла и могущество правителей, лишней раз стремившихся напомнить о своем прямом родстве с божественными предками.

Алтари для жертвоприношений?

Памятники ольмеков, которые долгое время условно назывались алтарями для жертвоприношений, вряд ли напрямую выполняли эту ритуальную функцию в привычном для нас понимании. Почти все серьезные исследователи, занимавшиеся изучением этих скульптур, независимо друг от друга пришли к выводу о том, что воплощенный сюжет передает идею «выхода человека из пещеры» и что этот выход так или иначе связан с идеей возрождения и бессмертия. В литературе подобный тип ольмекских памятников именуется и алтарем, и монументом, и стелой.

Наиболее древний ольмекский «алтарь» датируется 1150–1000 годами до н. э. Он был установлен на вершине невысокой искусственной пирамиды в Сан-Лоренсо. Орнаменты на нем вследствие плохого состояния не определяются.

Илл. 4. Гигантская голова из Сан-Лоренсо

Второй «алтарь» из Сан-Лоренсо – это монумент 14, находящийся в неплохой сохранности по сравнению с предыдущим. Этот монолит имеет прямоугольную форму, верхняя часть выполнена в форме плоской толстой крыши, покрывающей скульптуру и рельефы. Именно эта плоская часть и дала повод исследователям назвать памятники подобного типа «алтарями». Однако исходя из концепции «выхода из пещеры», «крышу» скорее следует интерпретировать как толщу земли. При этом очевидно, что речь идет не о горе, вершина которой должна была бы изображаться в виде конуса, а о пещере, вертикально уходящей вниз, под землю. На задней части алтаря имеется несколько прямоугольных отверстий, куда, по предположению мексиканской исследовательницы Беатрис де Ла Фуэнте, могли помещаться приношения. На монументе 14 одно из этих отверстий достигает больших размеров, и можно предположить, что некогда оно покрывалось крышкой.

Верхняя тяжелая панель становится как бы головным убором сидящего в нише персонажа. Его руки упираются в землю кулаками, сжимающими неясный длинный предмет. Из одежды на нем лишь одна повязка, конец которой накладывается на левую ногу. На груди ожерелье и подвеска в форме раковины. Любопытна фигура на боковой грани – в шляпе,

с распущенными волосами каре, руки согнуты в локтях, левая при этом сжимает правое плечо. Запястье правой руки не сохранилось.

Много памятников подобного типа было обнаружено в Ла-Венте. Монумент 4 – один из наименее поврежденных. Он имеет типичную форму алтаря. Фасад верхней панели покрыт рельефом, изображающим раскрытую пасть «чудовища с косым крестом» между клыками. Таким образом, основной рельеф как бы вписывается в эту пасть.

Посреди фасада выполнена овальная ниша-пещера, вокруг которой расположен рельефный орнамент в виде закрученной веревки. По контуру пещеры изображено нечто вроде четырех факелов. Из ниши высовывается сидящий человек, чуть склонившийся в сторону, вслед за натяжением толстой веревки, которую он держит обеими руками. В его левой руке видно начало веревки в форме головы змеи. Одна из боковых граней алтаря разрушена. На другой сохранился прекрасный рельеф, на котором изображен сидящий персонаж; на его руку намотан, а точнее, как бы выходит от локтя конец этой веревки. Персонаж на боковом рельефе имеет черты знатного человека, профиль явно майяского типа. Его правая рука поднята в жесте с выставленным указательным пальцем. Одно из названий веревки в языке майя – *ter'* («веревка», «привязь») – означает также «связанный», то есть «призрак».

Однако это лишь поверхностное понимание сущности

сцены, основанное только на семантике мезоамериканской иероглифики. Реконструкция ранних астрономических знаний, связанных с моделью мира, позволяет понять, что в иконографии Мезоамерики веревка (подменяемая пуповиной или змеей) очень часто выступает в качестве символа Млечного Пути – творца всего сущего. Принадлежность этого знака к звездному небу подтверждают и элементы «огня», которые у майя читались *tooc* — «пылающий» и передавали понятие созвездий зодиакального пояса. Таким образом ольмеки передавали идею того, что пещеры суть земное воплощение Млечного Пути, по которому идут души умерших для возрождения и где пребывают далекие предки.

Монумент 5, несмотря на свою типологическую идентичность, в сюжетном плане значительно отличается от предыдущего. Его центральная панель занята овальным элементом вокруг небольшой ниши, из которой высовывается сидящий персонаж: ноги скрещены, туловище наклонено вперед. На руках он держит лежащего ребенка, поза которого спокойно-расслабленная: руки сложены на груди, а ноги свесились вниз. Боковые грани заняты рельефами, изображающими сидящих персонажей – по два на каждой стороне (что соответствует племенной структуре). У каждого из них на руках младенец, который обнимает держащего его взрослого. Все четыре детские фигурки достаточно динамичны. В каждом изображении присутствует элемент в виде полусферы с раскрытыми краями.

Особый интерес представляет так называемый монумент 2 из Портеро-Нуэво, также именуемый «алтарем». Две крепкие фигурки, определяемые по пропорциям как карлики, удерживают на высоко поднятых руках тяжелую панель, характерную для «алтарей» и украшенную тем же полусферическим орнаментом. (Мифы о карликах – обитателях пещер и преисподней – занимают особое место в мезоамериканском фольклоре.)

Кого изображали сидящие фигуры?

Скульптурные монументы, получившие это условное название, можно рассматривать как «упрощенные алтари». Сидящий на скрещенных ногах и чуть наклонившийся вперед человек как бы «вынут» из подразумеваемой пещеры. Видимо, такая семантическая экономия была связана со сложностями доставки камня и строгой экономией строительных материалов. Видимо, не случайно, что наибольшее число памятников такого типа обнаружено в Ла-Венте, находящейся в наибольшем удалении от горных массивов.

Фигуры 10 и 52 из Сан-Лоренсо представляют собой сидящих персонажей. Однако их лица сочетают черты человека и ягуара: узкий разрез глаз с опущенным внутренним углом, широкий нос и, самое главное, характерный рот в виде крупного полуовала с опущенными вниз и чуть расходящимися в стороны концами губ. Другой отличительный элемент – это головной убор, намеренно массивный, тяжелый, с выступающими, нависающими полями, что делает его сходным с плоской панелью, покрывающей «алтари». Свисающая подвеска в районе ушей бывает скорее похожа на знак ступеней, что символизировало спуск в преисподнюю.

Пока загадочным остается тот факт, что большинство сидящих фигур оказались обезглавленными еще в ольмекские времена. Что это было? Народное восстание или государ-

ственный переворот, как предполагают некоторые американские ученые? Скорее всего, речь идет о неких внутривидовых отношениях, когда родство с теми, кого изображали сидящие фигуры, перестало играть какое-либо общественное значение.

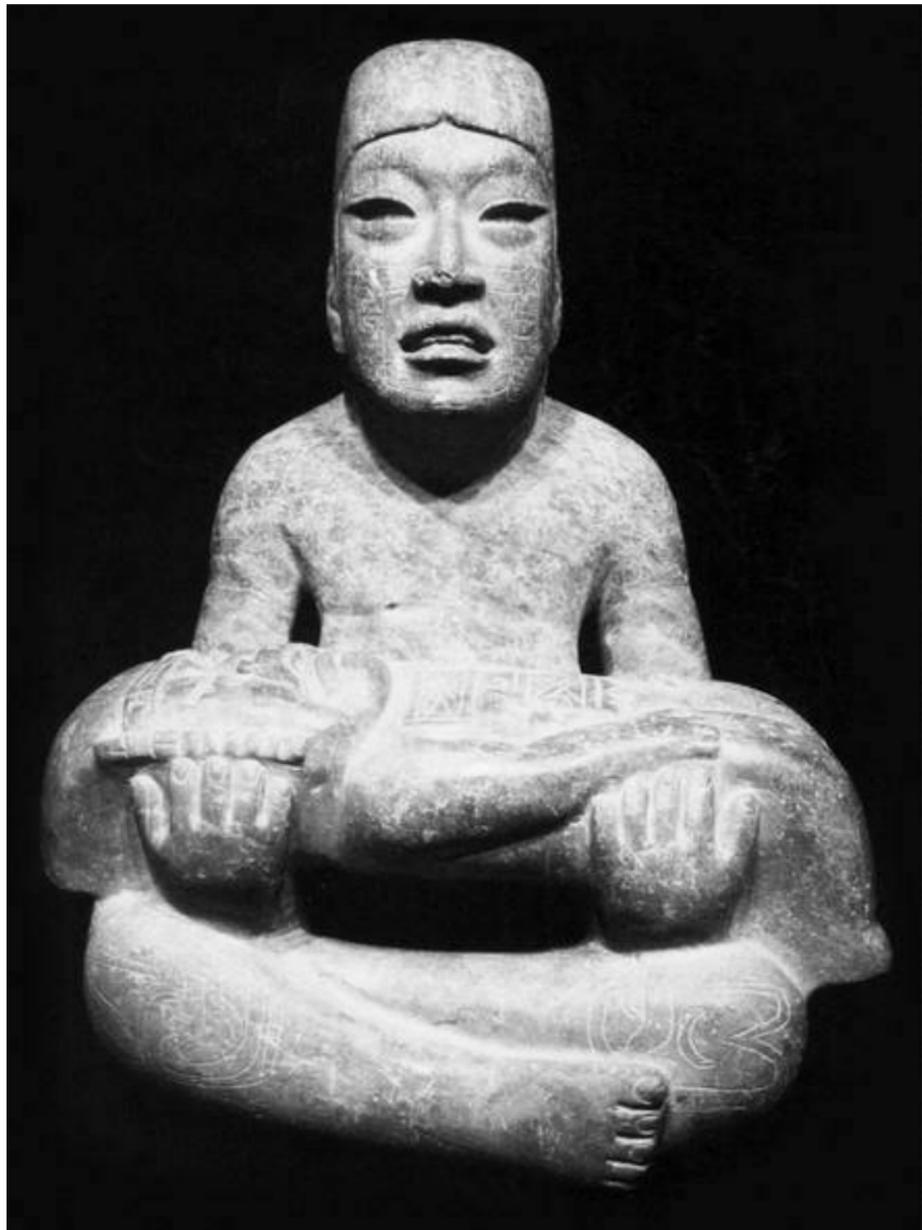
Мелкая пластика

Древние ольмекские мастера занимались не только монументальной скульптурой. Среди них были великолепные ювелиры, обработчики полудрагоценного камня, мастера по изготовлению керамических фигурок и расписных сосудов.

Сохранились изумительные нефритовые фигурки, среди которых особое место занимают изображения так называемой «матери с младенцем». Это сидящий человек с младенцем на коленях – фигурка повторяет сюжет, хорошо известный по монументальной скульптуре. Однако слабо выделенная грудь не может служить неоспоримым доказательством женского пола этого персонажа. Для ольмекской скульптуры вообще характерны «пухлые» части тел. Лицо персонажа человеческое, с несколько увеличенным полуоткрытым ртом. Голова покрыта косыми параллельными штрихами, сходящимися на конусообразном затылке. У младенца ягуароподобные черты, что характерно для многих ольмекских изображений.

Так называемая «жаровня» из Серро-де-лас-Месас изображает сидящего со скрещенными ногами человека. Ладони рук лежат на коленях. Реалистически выполнены все детали тела старого человека с изогнутой спиной. Несмотря на явную худобу, выделены провисшие складки мышц живота и груди – совсем как у «матери с младенцем». Лицо также

выражает преклонный возраст: выступающие, обтянутые кожей, в глубоких складках скулы, опустившиеся провисшие губы приоткрытого рта, глубокие глазницы, полуопущенные веки, бородка клинышком. На голове большой круглый головной убор – «жаровня», как бы накрывающий всю фигуру своей увесистой плоскостью. По боковому периметру повторяется символ неба.

Илл. 5. Выразительная ольмекская нефритовая статуэтка из Лас-Лимас, изображающая прапредка с ягуароподобным младенцем. Поверхность фигурки покрыта иероглифическими знаками

Надо заметить, что фигурки, сюжет которых носит скорее мифологически-религиозный характер, отличаются определенной стилизацией и обезличенностью изображаемых персонажей, отсутствием индивидуальных черт. Полную противоположность этому являет собой так называемая фигурка «борца» (монумент 1 из Антонио-де-Пласа). Это прекрасно выполненная скульптура сидящего мужчины с подогнутыми влево ногами. Полусогнутые руки подняты на уровне груди. На человеке нет ничего, кроме набедренной повязки, что позволяет видеть прекрасно выполненный древним скульптором мышечный покров, а это само по себе представляет достаточно редкое явление не только для архаической ольмекской, но и в целом для мезоамериканской скульптуры. В ушах видны отверстия, куда, очевидно, помещались подвески. Голова лысая. Хорошо видна борода и усы. Подчеркнуты глубокие морщины около носа, хотя фигура не кажется старческой. Складывается впечатление, что скульптор создавал ее, подобно европейским мастерам античности, только для того, чтобы продемонстрировать свое мастерство в умении точно передать детали человеческого тела.

И еще одна скульптура получила у исследователей собственное имя – «Господин из Сан-Лимас». Полутораметровая скульптура выполнена из камня, напоминающего жадеит, что благодаря свойствам этого камня позволило прекрасно отполировать ее поверхность и нанести гравированную надпись, без изъянов сохранившуюся до нашего времени. Лицо взрослого сидящего человека сохраняет даже определенные портретные черты: типичный индейский нос, овальное вытянутое лицо, рот приоткрыт и немного улыбается. На руках он держит расслабленного ягуароподобного младенца. На его груди подвеска с дважды повторенным знаком креста, который восходит к варианту майяского знака *h'u*, означающему «удобно расположиться, вытянув руки и ноги» и связанному с представлениями о моменте ухода умершего в поля блаженные.

Рисунки в пещерах

Рельефные и живописные панно в пещерах, удаленных иногда на сотни километров от Табаско, – эта еще одна загадка ольмеков.

Чалькацинго – так называется местность в 130 км к юго-востоку от Мехико (или к северо-востоку от древних ольмекских центров), где были обнаружены наскальные изображения. Барельефы были выполнены на скале Серро-де-ла-Кантера, откуда прямо на север открывается вид на сияющий снежными вершинами вулкан Попокатепетль.

Рельефы были обнаружены еще в 1932 году, но лишь недавно специалисты установили их явно ольмекское происхождение. По многочисленным предметам, обнаруженным рядом с рельефами, был определен их возраст – примерно IX–VIII век до н. э.

10 рельефных панно составляют три самостоятельные композиционные группы. Центральное место рельефа 1 занимает стилизованное изображение пещеры, наподобие тех, что будут повторены несколько веков спустя на крышке знаменитого саркофага из Паленке. Внутри пещеры на невысоком сиденье-троне с орнаментом из плавно закручивающихся ракушечных завитков сидит божественный предок по имени Мам. На нем архаическая юбка, короткая накидка, на голове сложный головной убор, в ухе традиционная круглая

подвеска, на ногах браслеты. В руках он держит ритуальную полосу, на которой изображены два связанных между собой завитка-лабиринта – признак и символ Бога Улитки. О том, что Бог Улитка считался главой фратрии, нам стало известно после прочтения надписей на сосудах майя.

Другим весьма характерным элементом рельефа стали изображения растений, покрывающих пещеру с внешней стороны. Это явное стремление к созданию пейзажа. Прародина должна была быть абсолютно реальным местом, и потому художник, в соответствии с требованиями жрецов, начал привязывать мифологическую прародину к конкретному рельефу. Эти отдельные элементы являются архаическим прообразом возникающего позже образа мощного мирового дерева – такого, например, как мы увидим все в том же Паленке в виде пресловутого креста или «космического корабля». Сверху, над пещерой, художник расположил три группы облаков, из которых извергается дождь в виде потоков, превращающихся в отдельно падающие капли. Этот знак характерен для более поздней иконографии и часто встречается у астеков. В окружающий пейзаж вписаны три или четыре символа воды.

Иной сюжет запечатлен на рельефном панно 2. Крупнейший отечественный американист В.И. Гуляев определил его как «батальный». Перед нами четверо знатных персонажей. У каждого свое лицо-маска. Один из них повержен. Он лежит справа, подчеркнуто обнаженный и со связанными рука-

ми, его спина и голова как бы опираются на фигурку в маске с характерным для ольмеков пересеченным косым крестом на головном уборе. Весь вид поверженного свидетельствует о безнадежности и обреченности, тело безвольно обмякло. Напротив, стоящие над ним полны динамизма. Как число участников сцены – четверо (что соответствует фратриальной структуре), так и сюжет наводят на мысль о древней истории племени, когда был убит глава фратрии Улитка, отказывавшийся покинуть легендарные Семь Пещер – ту самую северную прародину. Поскольку часть племени еще раньше покинула Семь Пещер, можно предположить, что четвертый персонаж – обдирающий стебель кукурузы – изображен уже покинувшим северную прародину и живущим сытной жизнью в районе культивирования маиса, видимо в Табаско. Он не участвовал в убийстве.

Самый «скандальный» сюжет сохранился на рельефе 4, который отличается чрезвычайно тонким выполнением множества деталей. Существует предположение, что на нем изображена сцена совокупления ягуара и женщины. Действительно, совершенно отчетливо видны два зверя над расprostертыми, очевидно, женскими телами. Но, во-первых, звери разные: один, возможно, ягуар, а второй больше похож на пуму. Во-вторых, позы зверей скорее напоминают расправу с добычей: динамично изогнуты лапы, выпущены огромные когти. Вместо морд – маски, аналогичные маскам двух из четырех персонажей «убийц» в сцене на рельефе 2. Фигу-

ры распростертых на земле обнаженных людей создают впечатление полной обреченности. Позы сходны: у обоих одна нога согнута в колене, как если бы они были опрокинуты при попытке бежать. Руки заброшены вверх, заломлены, головы безжизненно запрокинуты. Что касается сцен совокупления (между людьми, между человеком и зверем, между человеком и богом), то, по крайней мере в рукописях, они изображались иначе: персонажи располагались сидя лицом друг к другу. Данный же сюжет скорее всего вновь возвращает нас к отрывочным фактам архаической истории, связанной с борьбой фратрий. Скандала не получилось.

Изобразительное искусство ольмекского стиля не ограничивалось лишь наскальными рельефами, и мы не можем пройти мимо великолепных живописных фресок, обнаруженных в Оштотитлане (штат Герреро). Они находятся на скальной поверхности внутри двух не очень глубоких пещер. На эти фрески в 1968 году указали сотрудникам Национального института антропологии и истории местные крестьяне. Их создание относится к IX–VII векам до н. э. К сожалению, роспись настолько плохо сохранилась, что удалось выделить лишь несколько фрагментов; это не позволяет осуществить какой-либо полноценной оценки совершенно фантастического сюжета.

На яркой фреске изображен сидящий на невысоком троне правитель. Торс в фас, лицо в профиль, ступни свободно висят, одна нога опущена, вторая подвернута – типичная

для архаических изображений отдыхающая поза. Однако отсутствие фона, перспективы и изображения трона делает эти фигуры как бы парящими в воздухе. Пластика, вынута из контекста пространства, позволяет предположить, что фигуры танцуют. На груди у сидящего персонажа прямоугольная подвеска с косым «ольмекским» крестом. Тело и голова выполнены в красном цвете, ноги немного более темного оттенка. Нагрудная подвеска и набедренная повязка – изумрудно-зеленые. Изумрудно-зеленого цвета и головной убор в виде ушастой рептилии или птицы с большим круглым желтым глазом. Вдоль рук тянется цепочка зеленых элементов-знаков, создающих вид оперения. Под руками видны красные, переходящие в желтые, крылья.

Много непонятного таит в тебе сюжет со стоящим на задних лапах ягуаром. Изображение ягуара состоит как бы из совокупности графических символов: так, например, сустав лапы обозначен кружком с точкой внутри и тремя черточками-когтями. Нижние лапы больше похожи на орнаментальное переплетение. Ухо выполнено в виде символа – знака, который позже использовали майя.

Илл. 6. Знаменитый ольмекский рельеф 4 из Чалькацинго, интерпретация которого вызывает столько дискуссий. Одни исследователи предполагают, что на нем изображена сцена нападения хищников на людей, а другие видят в сюжете миф о происхождении древних ольмеков от совокупления кошачьего с человеком

Длинный пятнистый хвост ягуара прикасается к стоящему рядом человеку, который предстает стройным, молодым, полным сил мужчиной. Положение его рук (правая поднята вверх, а левая под тем же углом опущена вниз) зеркально повторяет положение рук персонажа с цветной фрески – у того поднята левая рука. Тело мужчины покрыто черной краской. Незакрашенным остается лишь лицо и невероятно увеличенные половые органы. Подобные изображения нетипичны для ольмеков. Следует отметить знаковость не только ягуара, но и человека: изображение его головы соответствует майяскому знаку *xib*, что означает «мужчина», «самец». Гипертрофированность половых органов как бы дополняет это значение, является его смысловым комплиментом. Кроме того, в сцене заложена и еще одна игра слов и знаков. Дело в том, что, по материалам майя, ягуар считался одним из важных божеств преисподней, где занимался очищением призраков – он обдирает их когтями, поглощая плоть. Эпитеты ягуара – «ярый», «мужественный», на языке майя *ton*, что буквально означает «тестикул».

Подобная игра с идеографическими знаками, имеющими фонетическое чтение, долго сохранялась в качестве характерной традиции не только у майя, обладавших к тому времени развитым фонетическим письмом, но и у астеков.

В 30 км от Оштотитлана расположена местность Хуштлауака, также известная своими пещерами с ольмекскими росписями. Пещеры находятся в самом конце длинного тоннеля – около полутора километров. Роспись расположена глубоко под землей, куда не проникает дневной свет. Совершенно очевидно, что выполнялась она при свете смоляных факелов, и потому, видимо, фон всегда был исключительно светлый. Краски сильно разрушены временем, однако сохранилась цветовая гамма – сочетание черного с желтым и краснотерракотовым.

Одно из изображений находится в великолепной сохранности и поражает яркостью красок. Роспись появляется по правую сторону тоннеля на уровне роста человека.

Высокий бородатый персонаж стоит в полный рост. На нем головной убор из зеленых перьев. Через плечо перекинута накидка, расцвеченная горизонтальными полосами. Руки, спина и ноги покрыты ягуарьей шкурой с хвостом. В правой руке персонаж держит веревку, к которой привязан второй персонаж, явно находящийся в позе подчинения. Сбоку на хвосте вертикально стоит змей. Присутствие веревки указывает на скрытый смысл сюжета: речь явно идет о кровнородственной связи между умершим предком и унаследовав-

шим его душу потомком. Не забыта и дорога возрождения – Млечный Путь, отождествлявшийся, в свою очередь, с изгибами пещер и Пернатым Змеем.

Еще одна ольмекская роспись была обнаружена в пещере под названием Каквасисики (штат Герреро в районе реки Омитлан), что переводится как «Пещера игр». Но больше она известна под названием «Пещера дьявола» – так ее окрестили католические монахи. Вход открывается на север, откуда виден знаменитый вулкан Попокатепетль. Глубина составляет 24 м, а покрытые росписью стены протянулись на 30,5 м. Естественный рельеф делит росписи на несколько фрагментов. В отличие от предыдущих росписей эти не выглядят столь завершенными и похожи скорее на некие наброски. Представлены два самостоятельных персонажа, повернутые влево (не считая человечков из черточек). Нижний держит правую руку вверх, а левая, судя по сохранившейся части контура, опущена. На его уборе и позади него знаки, похожие на элемент *xib* — «позади», «север». Персонаж сверху имеет более сложный головной убор, его правая рука вытянута вперед, левая согнута в локте. Перед его лицом знак, напоминающий знак *t'an* — «речь», «могущественный». На головном уборе два косых «ольмекских» креста, а также знак пещеры – так называемый элемент «U».

Однако самым замечательным в этой росписи оказалась ее астрономическая часть. Мы видим семь знаков *ek* — «звезда» и два знака *king* — «солнце», «день». Семь звезд – это

прямая аналогия с «Семью Оставленными Домами» – общей для всех мезоамериканцев легендарной прародиной. Однако если до сих пор можно было лишь предполагать, что «Семь Домов» являются символом Большой или Малой Медведицы, указующих именно на север, то роспись в ольмекской пещере впервые напрямую подтверждает эту гипотезу.

Куда исчезли ольмеки?

Это одна из самых хитрых загадок мезоамериканской истории. Складывается странная картина некой предначертанности судьбы этого народа. В III тысячелетии они пришли неизвестно откуда, выполнили свою историческую и культурную миссию и к началу нашей эры вдруг исчезли. Однако ольмеки успели оставить богатое научное наследство. К концу I тысячелетия до н. э. они осуществили реформу календаря (переход от лунного к солнечному), приурочив ее к прецессионному переходу из Овна в Рыбы. На основе традиционной идеографии создали морфемно-силлабическое письмо. Разработали религиозно-идеологическую концепцию, которая накануне новой эры начала бурно распространяться по всему мезоамериканскому региону: в Теотиуакане, у сапотек, у майя. Эта концепция воплощалась не только в сюжетах росписей, но и в планировке городских центров, в типологии построек и памятников. Станным образом эти процессы очень напоминают распространение христианства по Старому Свету: материально воплощаясь в появлении специфических памятников архитектуры, скульптуры и мелкой пластики, оно как бы накладывалось на самые разные местные культуры и постепенно распространялось от Средиземноморья до Сибири и дальше.

...Штат Табаско считается одним из самых богатых в

Мексике – это потому, что именно здесь была обнаружена и добывается нефть. Факелы промыслов стали частью ночного ландшафта. И нам было очень приятно узнать, что нефть здесь нашел выходец из России, который, еще будучи студентом, сбежал от гражданской войны и обосновался в этом странном краю – колыбели американской цивилизации.

Покидая Табаско, мы по достоинству оценили идею местной администрации собрать археологические памятники в едином природно-археологическом парке столицы Вильяэрмосы. Один только выезд в поле – в уникальный кирпичный город майя Комалькалько – привел к тому, что среди бела дня меня так искусили местные комары, что вздувшиеся и нестерпимо зудящие волдыри держались на ногах еще около двух месяцев. Парк же был изумителен: в нем были собраны представители местной флоры и фауны, включая вальяжного каймана Марипосу и разновидность енотов – носух, которые трогательно шарили лапками по карманам посетителей в поисках вкусенького. Меня колония носух полюбила особенно, обнаружив в сумке запасы чеховских «Коровок». Вся эта идиллия, в которой отсутствовали насекомые, служила достойным антуражем для великолепных памятников ольмекского искусства.

Глава 2

ТЕОТИУАКАН: ДОРОГА МЕРТВЫХ В «ГОРОДЕ БОГОВ»

*...А также говорят:
«Он превратился в бога»,
когда хотят сказать:
«Он умер»...*

Песнопения науа

На индейскую пирамиду Кнорозов поднялся один-единственный раз. Это было в Тикале во время нашей первой поездки в Гватемалу. Больше шеф по пирамидам не карабкался, предоставив это занятие мне, при этом иронично подсмеивался: «Вот-вот, дама, как увидит какую гору или пирамиду, тут же на нее лезет. У дам так принято». Приходилось поддерживать эту игру, подробно сообщая ему о результатах восхождений, а также спусков в пещеры. Почему-то для него это было важно – возможно, он просто хотел побыть в одиночестве в этих столь значимых для него местах и спокойно погрузиться в мысленные картины далекого прошлого. Идеальным объектом в этом отношении стала Пирамида Солнца в Теотиуакане. Пока я взбиралась на высоченную пирамиду, а затем спускалась в пещеру под ней, он пришел к окончательному выводу: «Страшно тоскливое место. Но со стра-

тегической точки зрения выбрано идеально». Что успел он увидеть за время моего отсутствия? Полчища диких племен, захвативших этот оазис науки и искусств и усеявших трупами бесконечную Дорогу Мертвых? Или тот ужасный пожар, что печально завершил жизнь великолепного города?

Разрушенный город – словно потерпевший крушение корабль...

Как свидетельствуют исследования археологов, в те далекие времена местность вокруг этого величественного города, расположенного на северо-востоке от долины Мехико (все-го в 50 км от современной столицы страны), была отнюдь не столь уныла, как нынче. Горные склоны были покрыты густыми лесами, а самую небольшую долину Теотиуакана пересекали ручейки и речки, делая ее плодородной и привлекательной для жизни.

Однако когда в XIX веке Теотиуакан обнаружили археологи, открывшееся зрелище можно было описать словами исследователя древних индейских городов Дж. Стефенса: «Разрушенный город лежал перед нами, словно потерпевший крушение корабль: мачты его потеряны, название стерлось, экипаж погиб, и никто не знает, откуда он шел, кому принадлежал, как долго длилось его путешествие, что послужило причиной его гибели». Как пишет крупнейший специалист по древней американской археологии В.И. Гуляев: «Теотиуакан погиб за много столетий до прихода европейцев в Америку, поэтому мы и по сей день не знаем имен его правителей, философов, поэтов и художников, языка, на котором говорили его жители, и даже подлинного названия этого великого города...» Дело в том, что Теотиуаканом, или

«Обителью богов», называли его астеки, сохранившие в своих преданиях восхищение великолепием и блеском некогда могущественной столицы. Многие другие названия городских объектов появились и вовсе благодаря фантазии современных исследователей. Так невольно совершается еще одно магическое действие: образ древнего города прячется за декорациями из современных слов и понятий. Возникает парадоксальная ситуация: чем больше появляется слов и образов, тем плотнее становится занавес, скрывающий ушедшую в тысячелетия тайну. Это хорошо видно даже по преданиям астеков, которые, говоря о возникновении Теотиуакана, преподносят само его существование как некую изначальную данность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.